

ВРЕМЯ И МЕСТО

Леонид Филатов был умным актером

И научился прощать

Мария Никитина

24 декабря Леониду Филатову исполнилось бы 60 лет.

Имя Леонида Филатова не вызывает недоумения в глазах собеседников. Его знают и помнят. Сложнее дело обстоит с воспоминаниями о ролях Филатова, особенно театральных. В кино, конечно, – «Экипаж», в литературе – «Про Федота-стрельца», в театре...

Филатов был умным актером. Он понимал про себя все, кроме одного: почему ему, талантливому, рефлектирующему человеку, уготована судьба среднего актера. Пока наивность лет позволяла – ждал неожиданностей, того самого знака, после которого жизнь должна измениться. Время шло, а знака все не было, да и возраст был уже таким, когда уному человеку неловко питать романтические иллюзии. Он написал хорошие стихи о том, как понял, что не гений, и продолжил жить с новым для себя ощущением.

Если небо не осыпает чудесами, остается сделать все, что зависит от тебя, человека. Филатов остро чувствовал каждую уходящую секунду и работал, работал, ища отдачи если не в театре, то кино, если не в кино, то в литературе...

Комсомолец Туркменистана

Леонид Филатов родился в первый послевоенный год в Казани, однако родиной своей считал Ашхабад, куда отца – радиста-геолога – перевели на достаточный для привыкания срок. Его родители познакомились во время войны по переписке. Они оказались однофамильцами – оба Филатовы. В Пензе состоялась свадьба.

Родительский брак через какое-то время распался, и мама Леонида решила вернуться из Ашхабада в Пензу и забрать с собой сына. Они уехали. А еще через какое-то время Леонид вернулся в Ашхабад: ведь именно там он пошел в школу, оставил друзей и первую безответную любовь. Здесь начались первые, еще детские литературные опыты: маленький Леонид «издавал» самодеятельные книжечки, лично делал к ним иллюстрации и дарил всему двору. В 15 лет его «басню» опубликовали в газете «Комсомолец Туркменистана». И неожиданно выплатили гонорар, на который свежеспеченный литератор закупил билеты в кино и театр, подарков, а остаток отдал бабушке, по-взрослому мотивировав: «на хозяйство».

В Ашхабаде началось серьезное увлечение Филатова кино. Сначала он просто смотрел все подряд, просил киоскерш откладывать редко поступающие советские журналы о кино. Со временем у него проявился тонкий вкус и понимание киноискусства.

В искусстве у Филатова было три страсти: театр, кино и литература, все три были для него болезненно дороги, во всех трех из них он оставил свой след, но ни в одном из них всерьез не реализовался.

Буду режиссером!

В «Советском экране» часто печатались красивые романтические

Таким мы его и помним в фильме «Экипаж».

Фото из книги «Советское кино. 1919–1991»

В Москве в то же время проходил кинофестиваль, который интересовал Филатова гораздо больше, чем какие-то там вступительные экзамены. Правдами и неправдами он пробивался на просмотры, заканчивались они поздно, и в Шуваловское на прослушивание он попадал почти последним. Рыдающих среди абитуриентов уже почти не было, народу было в десять раз меньше, чем днем, соответственно читать было гораздо проще и спокойнее. А тексты, которые он читал, были его собственными, за исключением басни.

В то, что все закончится поступлением, Филатов не верил, думал, что похвастается тем, что «аж до третьего тура допустили». Но – поступил.

«Оранжевый кот»

В Шуке Филатов влюбился. Его избранница уже снялась к тому времени в кино и стала популярной. Какими бы романтичными ни были ухаживания Леонида, какого количества стихов он ей ни посвятил

результате чего шутка безнаказанной не осталась. Состоялся студсовет, и вскоре молодые люди переезжали в помещение бывшей конюшни на улице Герцена.

Назвать Филатова примерным студентом было бы ошибкой, чувство юмора и ощущение быстротечности времени не позволяли ему жить тихо и размеренно. Занятия в училище, казавшиеся ему неинтересными, он решительно прогуливал и бегал смотреть кино, по-шпионски выискивая место и время подпольных просмотров, часто замаскированных под лекции или диспуты. Озорно используя свои литературные данные, Филатов сочинял для актерских показов тексты, снабжая их изящными иностранными псевдонимами. Однажды он осмелел настолько, что выдал свой текст за произведение Артура Миллера в присутствии ректора Бориса Захава. Тот похвалил Филатова за выбор качественной литературы. И все бы обошлось, если бы Борис Галкин, решив похвалить приятеля, не выкрикнул: да это же

нем было «слишком много желчи». В тот момент, когда Филатов пришел в театр, круг звезд Таганки уже был определен. По-человечески он неожиданно легко нашел с ними общий язык и заслужил право общения на равных, но не было той роли, после которой можно было бы признать, что Филатов творчески сравнялся с крупными актерами Таганки. При этом они вовсе не были дружелюбными людьми, просто его черты характера – честность, чувство юмора – привлекали. Он разбавил атмосферу Таганки своим озорством и ерничеством.

Что делать?

На два курса младше Филатова учился Константин Райкин. Филатов написал пьесу, которая была поставлена в качестве дипломного спектакля этого курса. Посмотреть на сына пришел Аркадий Райкин. Вечером того же дня Райкин-младший передал Филатову приглашение отца зайти. Филатов судорожно искал приличную одежду, подходящую для подобного визита. Наконец, он пришел: за столом сидели Лиходеев, Касиль и Райкин. Филатов похолодел. Аркадий Исаакович предложил ему переезд в Ленинград, работу в своем театре, квартиру и прочие социальные блага. Филатов попросил отсрочки. Райкин, удивившись, дал два дня на раздумья.

У Филатова голова шла кругом: предложение фантастическое. Но ведь есть Таганка... Есть Москва, уже ставшая родной, есть друзья, любимые... С этими мыслями он пришел к Ивану Дыховичному, который прояснил ситуацию: «Ты знаешь, кто от него уходит?! Миша Жванецкий, Рома Карцев и Витя Ильенко. Ты хочешь заменить всех троих?»

На следующий день на Таганке Филатов увидел распределение ролей к спектаклю «Что делать?», на главную роль – роль автора – назначили его. Он остался.

Кино

Дебют Филатова в кино – «Город первой любви» – состоялся в 1970 году и остался незамеченным.

Все изменилось в начале 80-х: заболел и отказался от роли в фильме

«Экипаж» Олег Даль, и Александр Митта пригласил Филатова. Митте говорили, что Филатов актер действительно интеллектуальный, но кроме разговоров из этой затеи ничего не выйдет. К счастью, советчики оказались не правы. После выхода фильма Филатов стал настоящей звездой со всеми приятными и неприятными последствиями. Появились поклонницы, от приглашений в кино не было отбоя. В 1982 году Филатов снимается в «Избранных» Сергея Соловьева – на этот раз вместе Кайдановского (съемки проходили за границей, и того просто не выпустили из страны). Сам Филатов любил свою роль в фильме «Успех» Константина Худякова, он признал ее самой удачной.

Несмотря на множество приглашений, ситуация с кино была сложной – теперь речь шла уже о качестве предлагаемых ролей. В результате удачных фильмов у Филатова не так много: помимо упоминавшихся это «Забывтая мелодия для флейты» Рязанова, «Город Зеро» Шахназарова и фильм, снятый им самим в

Филатов решил уйти из театра. К счастью, Галина Волчек предложила ему перейти в «Современник». 1985–1987 годы он провел там.

Потом вернулся Любимов и сразу же убрал из репертуара спектакли Эфроса. Которого к тому времени уже не было в живых. Филатов был единственным, кто признал свою вину за участие в травле, и искренне горевал всю оставшуюся жизнь.

Вскоре после возвращения руководителя на Таганке произошел раскол. Любимов хотел «почистить» труппу. Появился театр «Содружество актеров Таганки», место худрука было предложено Филатову, который не счит возможным принять предложение.

Болезнь

В 90-е годы Филатов уже мог похвастаться успехом и в литературе: одна за другой выходили книги, издавались пьесы и стихи. Но его жизнь уже начала определять болезнь.

Он буквально плакал, узнавая подробности судеб успешных когда-то актеров

1990 году, – «Сукины дети». Он был снят за 24 дня, а во время съемок сценарист, режиссер и актер фильма Леонид Филатов перенес инсульт.

Жена

Помимо удачи в кино 80-е годы были озаменованы для Филатова еще одной радостью: в 1981 году он женился на давно любимой женщине.

Когда в 1969 году он пришел в театр на Таганке, актриса Нина Шацкая была в декретном отпуске. Однажды она ненадолго зашла в театр – взять справку. Филатов ее увидел и – влюбился. Стало понятно – опять безответно, так как успели сообщить: она жена Валерия Золотухина. После возвращения Нины из отпуска Филатов однажды пригласил ее в кафе и неожиданно получил согласие. Вел себя корректно, но не удержался и прочел какие-то свои стихи о любви. Вероятно, это показалось слишком прямым намеком, так как она резко ответила: «Я замужем».

В следующие полтора года Леонид успел жениться на другой женщине. В то же время отношения Нины с мужем были скорее формальными, чем супружескими. Золотухин почти не скрывал романов, но от жены уходил не собиравшись. У них рос сын Денис.

Однажды Нина Шацкая увидела сон: что-то говорило ей о несделанном, ускользающем, подумалось почему-то о Филатове. Она побежала в театр, зашла на чужую репетицию, встала в проходе. Вдруг почувствовала как сади ее обнимают чьи-то руки, легкий поцелуй в щеку... Это был Филатов. Долгое время они встречались тайно. Потом поженились. Когда сын Нины узнал о том, что мама выходит замуж «за дядю Леню Филатова», закричал: «Ура!!!»

Эфрос

Начало 80-х принесло и тяжелое чувство вины за ситуацию в театре на Таганке.

Любимов уехал за границу, где дал несколько неосторожных интервью, зная о возможных последствиях. Обратно в Союз его не пустили, лишили гражданства. За время пребывания за границей он поставил несколько спектаклей в разных городах. Они пользовались успехом.

Театр на Таганке остался без Любимова. Возглавить театр назначили Эфроса, ушедшего с Малой Бронной из-за раскола труппы. Ситуация с назначением была воспринята актерами Таганки так, будто руководить театром назначили чиновника госбезопасности. Травили Эфроса с почти детской жестокостью. Сочиняли гадкие стихи, топтали пальто, в карманы сыпали булавки.

«Я не святой. Меня было за что наказывать. Первый раз болезнь дала о себе знать в восьмидесятом году. Мне долго не давали на Таганке интересных ролей. И вдруг Любимов предлагает сыграть Раскольникова. Представляете мою радость. Думал: вот он, мой звездный час! Но тут у меня внезапно пропадает голос. Обращаюсь в больницу. Врачи в ужасе, моя болезнь запущена до такой степени, что больше медлить нельзя. Приходится в пожарном порядке делать операцию на голосовых связках. В результате роль Раскольникова ушла. Через пару лет меня Соловьев приглашает в «Чайку» на роль Тригорина. Он очень своеобразно ставил Чехова. Роль невероятно интересная. И вот на репетиции сижу я в лодке, произношу монолог... И чувствую: моя левая нога немеет. Мне нужно выйти из лодки, а нога не шевелится. Я начинаю руками вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев мне говорит: «Леня, это перебор! Тригорин не такой уж и старый. Ему всего 44». «Да при чем здесь Тригорин, – разозлился я. – У меня самого нога не вылезает». После этого я начал ощущать, как по спине нет-нет да пробежит какой-то холодок. Ощущение не из приятных. Сразу начинаю думать вынимать ее из лодки, а Соловьев